

мая этимъ звучаніемъ жизни, вошла къ нему женщина. Всѣ легенды о русалкахъ, которыя искушаютъ монаховъ, вся мистика дьявола, соблазнительнаго праведныхъ, вся эта мифологія торжествующей наготы претворена Толстымъ въ реальный, такой простой и правдоподобный фактъ. Отъ зимней прогулки, отъ офицеровъ и адвокатовъ, отъ разводной жены Маковкиной,—отъ всей этой веселой пошлости создавалась вѣчная мистерія плоти и духа. Мистерія ничего не теряетъ въ своей возвышенности отъ того, что Толстой, поэтъ правды, художникъ факта, нарисовалъ традиціонную соблазнительницу не чужими ирреальными красками, а представилъ ее въ видѣ женщины „въ шубѣ съ бѣлой длинной шерстью, въ шапкѣ, съ милымъ, милымъ, добрымъ, испуганнымъ лицомъ“. Можно ли бороться съ „дьяволомъ“, когда онъ — милый, добрый, испуганный? А главное,—монахъ и дьяволъ узнали другъ друга: глаза Касатскаго и Маковкиной встрѣтились, сошлись, и стало ясно, что затворникъ и женщина „понятны другъ другу“. „Простая, добрая, милая, робкая женщина“; дьяволъ, котораго мы узнаемъ, потому что онъ—это мы, наше желаніе, наши чувства и склонности: въ этомъ и есть неотразимое. И отецъ Сергій его не отразилъ, а только отсрочилъ, и не спасъ его отрубленный палецъ, не „откланялся“, не отмолился онъ отъ женщины. И такой глубокой психологической и жизненной правды исполнено то, что палецъ Касатскій, [не Маковкиной] со-